

«LEYES DE MOROS» КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК КАСТИЛИИ XIV ВЕКА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СТРУКТУРА, КОНТЕКСТ

Е. А. Сидорович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск,
Беларусь, ekaterina.sidorovich@alum.uca.es*

Статья посвящена анализу юридического памятника XIV в. «Leyes de moros», представляющего собой адаптацию исламского правового текста к социально-политическим реалиям Кастильской короны. На основе историографических работ испанских арабистов и издания Королевской академии истории рассматриваются происхождение, структура и язык сборника. Данный юридический памятник является переработкой маликитского трактата *Kitab al-Taftī*. Особое внимание уделено гражданско-правовой направленности текста, исключая ритуальные предписания шариата, и особенностям альхамиядо, в котором соединяются кастильская лексика и арабские термины. «Leyes de moros» рассматривается как свидетельство правовой аккультурации и взаимодействия исламской и христианской традиций в поликонфессиональном социальном пространстве Кастилии XIV века.

Ключевые слова: Кастилия; мудехары; фикх; альхамиядо; правовая культура; маликитский мазхаб.

Юридический памятник «Leyes de moros» (в пер. с исп. – «Законы мавров») представляет собой уникальное свидетельство правовой аккультурации [1] мусульманского меньшинства Королевства Кастилия и Леон эпохи позднего Средневековья. Значимость этого текста не ограничивается рамками истории права: в нём прослеживаются сложные процессы преобразования исламской традиции под властью христиан – сочетание различных культурных и языковых элементов, взаимное влияние правовых систем и адаптация фикха к новым условиям XIV в.

Научный интерес к «Законам мавров» восходит к публикации Королевской академии истории Испании [2] в середине XIX века. Данный трактат представляет собой анонимное кастильское сочинение без даты, которое по палеографическим признакам П. де Гайанос отнёс к XIV в. [2, р. 3]. Издание основывалось на копии, выполненной около 1794 г. по заказу академика М. Абельи, в то время как оригинал считался утраченным. Однако современные исследования внесли существенные коррективы в представления о судьбе рукописи: оказалось, что оригинальный манускрипт, долгое время считавшийся безвозвратно потерянным, был обнаружен в Швеции – в Университете Уппсалы, среди архива шведского испаниста Г. Тиландера.

До появления фундаментального труда Х. Лопеса Ортиса «Мусульманское право» в 1932 г. [3] «Leyes de moros» оставался единственным известным трактатом исламской юриспруденции на романсе — староиспанском языке. Выдающийся историк Э. де Инохоса и Наверос отметил влияние римского права на формирование мусульманского законодательства в Испании [4, р. 320], особенно в вопросах наследования и договоров. А Х. А. Санчес Перес, изучавший мусульманское право, впервые обратил внимание на совпадения между «Законами мавров» и трактатом *Kitab al-Tafrī* (араб. كتاب التفریع), созданного маликитским правоведом Ибн аль-Джаллабом в X в., выявив структурное сходство отдельных титулов и терминов [5]. Позднее С. Аббуд-Хаггар в своей докторской диссертации и последующих публикациях подтвердила эту гипотезу, доказав, что «Leyes de moros» представляет собой перевод и адаптацию *al-Tafrī*, выполненную в кастильской мудехарской среде и опирающуюся на принципы маликитского мазхаба [6].

Объектом данной статьи является памятник кастильского права XIV в. «Законы мавров» как текст, отражающий взаимодействие исламской и христианской правовых традиций в условиях поликонфессионального социального пространства позднесредневековой Кастилии. *Предметом* исследования выступают структура, язык и правовое содержание данного сборника законов, рассматриваемые в контексте трансформации фикха и его адаптации в среде кастильских мудехаров. *Цель* работы — раскрыть характер и значение «Leyes de moros» как юридического и культурного феномена, демонстрирующего процессы синкретизма и аккультурации в среде мусульманских общин, находившихся под властью кастильской короны в XIV в.

Методологическая база нашего исследования объединяет **аналитический, компаративистский, лингвистический и хронологический подходы**, что обусловлено его междисциплинарным характером. Применение **аналитического метода** предоставило возможность подробно рассмотреть структуру и содержание сборника, выявить внутреннюю логику расположения титулов и их корреляцию с практическими потребностями мудехарских общин. **Компаративистский метод** применён для сопоставления «Leyes de moros» с другим юридическим корпусом — арабским трактатом *al-Tafrī* Ибн аль-Джаллаба. Такое сопоставление позволило определить формы адаптации норм шариата и специфику включения мусульманских юридических категорий в структуру кастильского права. **Лингвистический инструментарий** в исследовании выражен в акценте на язык как на форму юридического мышления. Изучение аль-хамиядо-гибридности текста и взаимодействия старокастильской лексики с арабской терминологией дало возможность рассматривать источник как

продукт **правовой билингвальности**. И, наконец, **хронологический принцип** использован для соотнесения текста сборника с этапами эволюции кастильского законодательства XIII–XIV вв., что позволило выявить историческую динамику юридической адаптации мусульманских норм и контекст их перевода на старокастильский язык.

Появление мусульманской общины в Кастилии стало следствием территориальной экспансии христианских королевств в ходе Реконкисты. После завоевания Толедо в 1085 г. Альфонсо VI и закрепления королевской власти в Кастилии-ла-Нуэве, Эстремадуре и частично Андалусии значительная часть мусульманского населения предпочла остаться, приняв статус подданных короны. Эти мусульмане, или мудехары (араб. مدجن – «укрощённый») [7, р. 425], сохраняли веру, религиозные обычаи и внутренние общинные структуры, находясь в то же время под контролем христианской администрации. Их правовое положение определялось как системой *ius municipale*, так и особыми грамотами — капитуляциями (исп. – *capitulaciones*, *pleytos*), предоставленными монархом после завоевания конкретного города местным иноверцам. Данные документы гарантировали свободу культа, неприкосновенность имущества и ограниченную судебную автономию в обмен на признание верховной власти монарха и выплату налогов. Таким образом, мудехарские общины представляли собой пространство двойной принадлежности – исламской по культуре и христианской по внешней юрисдикции. Именно в этой среде возникла необходимость в адаптации исламского права к кастильской правовой системе.

В историографии традиционно «*Leyes de moros*» рассматривается как свод норм права, созданный в среде кастильских мусульман и записанный на кастильском языке с отдельными транслитерированными арабскими терминами. С лингвистической точки зрения период создания данного памятника совпадает с эпохой глубокой языковой трансформации Кастилии, когда официальное делопроизводство и законодательство переходили с латыни на старокастильский язык. Этот процесс был инициирован при Фернандо III Святом (1217–1252) и получил дальнейшее развитие при его сыне Альфонсо X Мудром (1252–1284), чьи реформы, направленные на кодификацию и унификацию *ius commune* («*Siete Partidas*»), окончательно закрепили романсе в качестве языка светского законодательства. Наконец, при Альфонсо XI (1312–1350) была проведена систематизация правовой системы Кастилии.

В ходе данной политики этот монарх добился кодификации источников права и установил чёткую иерархию юридических норм: первое место занимали королевские ордонансы как прямое выражение воли монарха; второе – местные фуэрос, сохранявшие действие обычного права от-

дельных городов и общин; а в качестве консультативного общего права признавались «Семь Партид» [8].

В русле более широкой тенденции к унификации правового пространства Кастильской короны в XIII–XIV вв. были предприняты шаги по переводу и систематизации правовых норм, регулирующих жизнь мудархарских общин, с арабского языка на старокастильский. Эта работа имела не только административное значение, но и выражала стремление вписать мусульманское население в общее юридическое поле королевства, позволяя при этом сохранять их собственные правовые традиции в адаптированной форме. Таким образом, перевод и адаптация норм стали инструментом интеграции, обеспечивая баланс между политическим верховенством короны и внутренней автономией общин.

Трактат, положенный в основу «Законов мавров», систематизировал совокупность производных, конкретных норм исламского права на основе общих принципов и служил практическим руководством для судей в Андалусии и Магрибе. Сравнительный анализ арабской и кастильской версий выявил структурные расхождения, интерполяции и поздние добавления, отражающие динамическую рецепцию исламского права в христианской юрисдикции.

«Законы мавров» характеризуются редукцией ритуально-богословских разделов шариата: в нём отсутствуют нормы, касающиеся культа, и сохранены лишь положения гражданского права. Эта специфика исторического источника может свидетельствовать о сознательной адаптации исламских правовых принципов к кастильской юридической системе при сохранении внутренней логики фикха.

Сборник включает 307 титулов [2, р. 11–235], систематизированных по тематическому принципу, которые соответствуют 11 книгам *al-Tafrī*. Его содержание охватывает ключевые разделы частного и процессуального права: в неё входят нормы, регулирующие брачные и семейные отношения, торговые сделки и имущественные обязательства, уголовные правонарушения и наказания, судебные процедуры и свидетельства, а также долговые и наследственные вопросы. Структура сборника свидетельствует о компилятивном и интертекстуальном характере текста: некоторые главы воспроизводят арабский оригинал почти дословно, другие – сокращены и перетолкованы. Важной чертой памятника является его практическая направленность: многие нормы подробно разъясняют порядок сделок, найма, аренды, долговых обязательств и взаимодействий с «чужими» – христианами и евреями. Более того отдельные положения относительно хозяйственной деятельности несут в себе потенциал реконструирования экономической жизни мусульманской общины. Таким образом, данный юридический текст может использоваться в качестве

внутреннего источника по социально-экономической истории кастильских мудехаров.

Язык памятника демонстрирует гибридную билингвальную природу, характерную для письменной культуры мудехаров, существовавшей на пересечении исламского и кастильского миров. В тексте сочетаются староиспанская лексика и арабская терминология, что отражает процесс глубокой лексической и культурной интерференции, которую известный русский лингвист Н. С. Трубецкой характеризовал как формирование *Sprachbund* – языкового союза, возникающего в результате длительного и интенсивного контакта между разными этнокультурными общинами [9, р. 17-18]. Например, *açidaque* (от араб. الصَّدَاق – брачный дар), *annafaca* (от араб. النفقة – содержание, алименты), *alquilar* (от араб. الإجارة – наём, аренда). Такая языковая ситуация отражала условия билингвизма и правового синкретизма, когда мусульманские нормы сохранялись в переводе на язык, понятный кастильской администрации.

Это является свидетельством того, как перевод и правовой дискурс становились средствами кросс-культурного юридического синтеза, обеспечивая сосуществование различных правовых систем в рамках единого политического пространства.

Таким образом, значение юридического памятника «Leyes de moros» заключается в его синкретическом и многоуровневом характере. Этот текст объединяет три пласта исторической реальности: исламскую правовую мысль, кастильскую законодательную практику и живой язык мудехарской повседневности. В нём проявляется правовой и культурный синкретизм, свойственный пограничным сообществам [10, с. 187], где разные традиции не противопоставляются, а вступают в диалог и взаимную интерференцию. Он позволяет реконструировать не только юридическую систему, но и ментальную географию многоуровневого пограничного мира, в котором последователи ислама и христианства сосуществовали в едином, хотя и внутренне дифференцированном, социальном пространстве.

Библиографические ссылки

1. Glick T. F. Acculturation as an Explanatory Concept in Spanish History / T. F. Glick // Comparative Studies in Society and History. 1969. Vol. 11, No. 2. P. 136–154.
2. Tratados de legislación musulmana: 1. Leyes de moros, del siglo XIV. 2. Suma de los principales mandamientos y devedamientos de la ley y çunna. Madrid : Real Academia de la Historia, 1853.
3. López Ortiz J. Derecho musulmán. Barcelona : Labor, 1932.

4. *Hinojosa y Naveros E.* Historia del Derecho romano, según las más recientes investigaciones: en 2 t. / E. Hinojosa y Naveros. Madrid : Imprenta de la Revista de Legislación, 1880-1885. T. 2.
5. *Sánchez Pérez J. A.* Partición de herencias entre los musulmanes del rito malequí con transcripción anotada de dos manuscritos aljamiados. Madrid, 1914.
6. *Abboud Haggag S.* Las Leyes de moros son el escrito de Al-Tafri' // Cuadernos de Historia del Derecho. 1997. № 4. P. 163–201.
7. *Dozy R.* Supplement to Arabic Dictionaries (Supplément aux dictionnaires arabes) / R. Dozy. Leyde : Brill, 1927.
8. Ordenamiento de leyes que d. Alfonso XI hizo en las Cortes de Alcalá de Henares el año de mil trescientos y quarenta y ocho. Madrid : D. J. Ibarra, impresor de camara de S. M., 1774. p.
9. Actes du premier Congrès international de linguistes à La Haye, du 10–15 avril 1928 // Congrès international des linguistes. Leiden : A. W. Sijthoff, 1928. P. 17–18.
10. *Варьяш И. И.* Переживание контактов в средневековой Испании // Испанский альманах. Вып. 1: Власть, общество и личность в истории. М. : Наука, 2008. С. 187–194.